

Помнишь, не забудешь.Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Помнишь, не забудешь.Фёдор Сологуб

Предпраздничная веселая, но все же всем надоевшая, шумная суета кончилась. В квартире Скоромыслиных стало наконец тихо и по-праздничному легко. Запахи куличей, только что испеченных, вкусные, но тяжелые, смешались с легким, как сказка, ароматом духов.

Торжественные звоны, пушечные выстрелы, легкие гулы веселых голосов и стук колес и копыт по торцам мостовой слабо доносились в тишину и уют просторного кабинета, полузаглушенные тяжелыми складками портьер.

Николай Алексеевич Скоромыслин не пошел к пасхальной заутрене. Он всегда ходил в эту ночь в церковь вместе с женою и с детьми, а сегодня ему что-то занездоровилось. И настроение было тоскливое, совсем не праздничное.

Впрочем, в последнее время это с Николаем Алексеевичем нередко случалось, такое несоответствие его настроений с тем, что чувствуют и переживают все другие. Вокруг веселые люди смеются и шутят, – а Николай Алексеевич грустен, задумчив, ему скучно, он готов говорить всем неприятные слова. И наоборот бывает – все вокруг волнуются, негодуют, плачут, – а он спокоен, даже иногда весел. Стали даже говорить знакомые, что у Скоромыслина тяжелый характер.

Николаю Алексеевичу просто не хотелось сегодня идти в церковь; недомогание было только предлогом, чтобы не сказать коротко и просто:

– Потому, между прочим, не хотелось идти, что будет много знакомых в той церкви, – домовой, – куда они ходят потому, что имеют кое-какие связи с людьми, причастными к тому ведомству. Если пойти, то надо будет всем знакомым улыбаться, делать беззаботное лицо и говорить что-то легкое и никому не нужное, но совершенно обязательное в эту ночь. И вообще, как всегда со знакомыми, надевать маску общепринятого образца.

Ах, эти скучные маски! Отчего нельзя всегда быть самим собою!

Самим собою можно быть только тогда, когда остаешься один, совсем один, когда знаешь, что никто не постучится в дверь, когда можешь положить трубку телефона, чтобы не услышать докучного звонка. Только тогда спокойно можно отдаться мечтам и воспоминаниям, погрузиться в ту легкую задумчивость, которая слаще всего на свете.

Вот этого утешения захотелось теперь Николаю Алексеевичу.

II

Перед заутренею жена вошла к Николаю Алексеевичу в кабинет, шурша белым шелком нового платья, поправляя холодный, матовый жемчуг на теплой белизне стройной шеи, и сказала:

– Пора нам ехать. Неудобно приходиться слишком поздно. А ты, Коля, поедешь?

Николай Алексеевич встретил жену привычно-ласковой улыбкою, поцеловал ее белую, стройную руку с кольцами, сияющими многоцветным блеском камней на длинных, тонких пальцах, от которых пахло сладко и нежно, и сказал:

– Нет, я лучше останусь дома. Подожду вас. Полежу здесь. Голова у меня все еще побаливает.

– Да, конечно, – сказала жена, – раз ты неважно себя чувствуешь, так лучше останься дома. А то еще простудишься. На улице холодно, и ветер такой холодный. Ты много работал в последнее время, – и это не хорошо. Не надо так утомляться.

Николай Алексеевич лениво усмехнулся и вяло возразил:

– Ну, где там! Какая теперь моя работа! В городе совсем нет времени заняться как следует.

- Да,- сказала жена,- уж эта городская жизнь! Но ведь ты знаешь, Коля, для детей приходится. А я и сама очень не люблю города. Я бы и зимою охотно жила в деревне.

Николай Алексеевич тоже любит повторять, что не любит города, где так много пустых развлечений, встреч и разговоров, мешающих работе, где так поздно ложатся спать и так поздно начинают день. Городские жители, отравленные милым ядом городской жизни и очень влюбленные в соблазны этой шумной жизни, любят хулить нелепость и суету жизни большого города.

- Я дам тебе хинину,- сказала жена,- это тебе отлично поможет.

Николай Алексеевич попытался возражать:

- Ну вот, зачем! Ничего мне теперь не надо. Пожалуйста, не беспокойся. Я полежу спокойно, и все пройдет.

Но жена уже не слушала его. Она исчезла за темно-синюю портьерою двери, легкая, как девочка, совсем не похожая на сорокалетнюю даму, на мать пятерых детей.

Через минуту она уже вернулась и легко, шурша недлинным шлейфом по синему затянутому пол сукну, пробежала через комнату. Она держала в одной руке на блюдечке с розовым рисунком на фарфоре коробочку с облатками хинина и высокую рюмку с темною мадерою-запить горький порошок.

Веселая, нарядная в своем белом, шитом тяжелым тусклым золотом платье, с полными белыми плечами и с полными стройными руками, открытыми по локоть, все еще красивая, с пылающими от безотчетной веселости щеками и с порозовевшими раковинками тонких, маленьких ушей, полузакрытых завитыми локонами, благоухающая какими-то легкими, как сладостная райская мечта, духами, она стояла перед Николаем Алексеевичем и требовала с ласковою настойчивостью, чтобы он принял эту ненужную для него пакость.

Николай Алексеевич шутливо вздохнул и развел руками, покоряясь неизбежному. Сказал:

- Ах, милая, я все еще тебе во всем послушен. Жена улыбалась весело, обрадованная его шуткою. Николай Алексеевич с легкою гримасою усилия проглотил облатку. Запил ее мадерою. Лег на диван и с удовольствием протянулся на его широком, упругом ложе, ощущая левою рукою холодноватую мягкую кожу его высокой, прямой спинки с полочкою наверху, где стояло несколько фотографических портретов, и со шкафчиками по бокам.

Жена неторопливыми, ловкими движениями приятных, полуобнаженных рук поправила под головою Николая Алексеевича шитую зелеными и розовыми шелками - венки из роз, -атласную подушку и покрыла Николая Алексеевича мягким клетчатым пледом, под которым сразу стало тепло, приятно и спокойно, и таким милым стал легкий озноб в спине.

- Ну что, Коля, теперь удобно тебе?- спросила жена.

- Очень. Спасибо, милая,- ответил Николай Алексеевич.- Уж ты не возись со мною, иди себе. Дети ждут, должно быть.

Но прежде чем уйти, жена переставила с письменного стола на столик у дивана наполовину отпительный стакан с кислотовато-сладким зеленоватым питьем и раскрытую книгу, новый роман. Потом она простилась с Николаем Алексеевичем нежным поцелуем, сказала:

- Постарайся поспать до нашего прихода. И ушла, легкая, веселая, благоуханная,-по сукну прошуршала шлейфом, портьеру колыхнула у двери, ушла.

Николай Алексеевич смотрел за нею, и глаза его благодарили, и губы улыбались ласково. Лихорадка мучила и нежила его, меняя ознобы и зной. Она напоминала ему о другой, которой с ним уже нет,-и губы его улыбались и шептали:

- Помнишь, не забудешь? Милая Иринushка, не забудешь?

Были слышны недолго слабые из-за дверей отзвуки веселых голосов в зале и в передней, донесся издали стук закрытой на лестницу двери, - и стало тихо.

III

Николай Алексеевич остался один.

Он взял книгу. Пробежал несколько страниц. Но скучно было читать и казалось неудобно держать книгу руками из-под пледа, который при этом сползал с плеч и комкался под правым боком.

Николай Алексеевич положил книгу на столик и повернул выключатель стоявшей на столике легкой лампы-качалки. Теперь кабинет был освещен только рассеянным, отраженным от лепного потолка светом двух лампочек люстры, прикрытой снизу тяжелым, темным щитом.

Николай Алексеевич закутался пледом и погрузился в смутное, приятное состояние полудремы.

Бывало, Николай Алексеевич любил мечтать о будущем. Признак юности и скованной еще силы - мечта о будущем. Мечты о будущем утешали, когда настоящее было темно.

Теперь Николай Алексеевич больше любил вспоминать былое. Старость ли надвигалась, слишком ли яркие мечты утомили душу, или милого много накопилось в былом, - к былому с каждым годом все чаще обращались мысли.

Воспоминания как мечты иногда. А иногда они как проза. Иногда в них странное сплетение прозы и мечты, милого и постылого.

Что же эти дни, о которых вспоминается так сладко и так горько? Дни, когда было молодо, бедно, трудно и радостно, - что же эти дни?

И горе в них было, и тусклость бедной, скудной жизни.

Очень трудна была жизнь, - только молодость все скрашивала, и еще более, несравненно более, ее любовь. Любовь милой Иринушки, первой жены Николая Алексеевича.

Иринушкина любовь чудеса делала и на убогий мир

действительности надевала для Николая Алексеевича пышный наряд царственной мечты. Милая Иринушка, явленная ему в обличий простодушной Альдонсы, преобразалась перед ним торжественною Дульцинеею, прекраснейшею из прекрасных, и преобразала для него мир.

Это было давно, так давно!

А теперь?

Теперь Николаю Алексеевичу идет - и уже давно идет, - пятый десяток. И все в жизни его изменилось. Бледная, скучная бедность отошла. Жизнь полна, легка, приятна. Хорошо теперь Николаю Алексеевичу живется.

Хорошо?

Да, конечно, хорошо.

Только иногда странно как-то. Бедность и достаток, - откуда они? Зачем они так пытаются человека? Зачем то немудрое, чего добивается человек, приходит так поздно?

Вот были годы, когда, едва начав свою самостоятельную трудовую жизнь, бедный учитель в уездном городишке, женился Николай Алексеевич на своей милой Иринушке. Женился потому, что любил Иринушку, потому, что она любила его. Женился, хотя оба они были бедны и одиноки.

Жена молоденькая в его доме, и свирепая в его доме бедность. Душа просит

Помнишь, не забудешь.Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
радостей и смеха, а жизнь грозит напастями и бедами, и утомляет трудами, и не дает отдыха.

Работали они оба очень много, а денег у них в доме было очень мало. Порою и совсем не было денег. И очень мало было вещей. Да и те вещи, которые были, были плохи.

Но разве деньги и вещи сильнее человека?

Город, где они жили, был скверный, маленький, ветхий городишко, обнищавший вдали от сильных людей и от больших дорог. И люди в этом городе жили жалкие, угрюмые, злые, завистливые, нищие духом люди. А те, в ком теплилась живая душа, томилась там, и тосковали, и рвались убежать из этого постылого города, от этой тусклой жизни; и, если не могли убежать, умирали рано, или убивали сами себя, или спивались.

А вот теперь у Николая Алексеевича дорогая, красивая, хорошо обставленная квартира на одной из лучших улиц большого города. В этой квартире с Николаем Алексеевичем живут жена его, дети, у детей гувернантка, студент-репетитор, бонна и целый штат прислуги. В этой квартире часто бывают гости, милые, любезные, просвещенные люди; смеется и плачет рояль, кто-то поет нежные и страстные романсы; танцуют весело и оживленно; говорят обо всем, что в широком мире случается, волнуя сердца, и что в искусствах живет живою жизнью. Когда нет гостей, вечер занят театром, концертом, маскарадом, посещением знакомых, ужином в ресторане.

Николай Алексеевич работает много, но все-таки гораздо меньше, чем в те юные годы, его первые годы жизни с милою Иринushкою. Имя его довольно известно, - книги, которые пишет Николай Скоромыслин, раскупаются неплохо, - в обществе о нем иногда говорят, - газеты бранят его с достаточною свирепостью, - словом, известность несет ему свои дани.

Николаю Алексеевичу, конечно, кажется, что у него мало денег. Никому из живущих в городах не довольно того, что есть. Николай Алексеевич в этом не составляет исключения.

А все-таки получает Николай Алексеевич за иной месяц в двадцать раз больше, чем он получал за то же время в те давние годы, за иной месяц в тридцать раз больше, а то иногда и в сорок раз. Бывают и еще более удачные месяцы, но редко.

Когда Николай Алексеевич получит в сорок раз больше, чем прежде получал за месяц, то часть этих денег откладывается; если в тридцать раз - концы с концами кое-как сводятся; если только в двадцать, тогда тратятся и те деньги, которые были отложены в удачливые месяцы. Но в конце концов денег на все хватает - и на скромный образ жизни, и на книги и картины, и на заграничные ежегодные поездки, без которых никак нельзя обойтись, потому что все знакомые за границу ездят и много об этом говорят и потому, что за границу жить легко, приятно и удобно. Приятнее, чем в России, где газеты каждый день приносят такие странные, неожиданные новости.

IV

Николай Алексеевич скучающими глазами обвел знакомые, приятно-привычные предметы своего кабинета. Все здесь было дорого, просто, прочно и красиво, в строгом скандинавском духе. Преобладал спокойный, холодный темно-синий цвет.

На громадном письменном столе были расположены в педантичном порядке бумаги, конверты, чернильницы, карандаши, рамки с портретами, часы, лампа, подсвечники, вазы с цветами, бронзовые фигурки для надавливания на разрозненные бумажки и еще какие-то красивые вещицы без определенного назначения. По стенам стояли шкафы американской системы, набитые книгами в переплетах и без переплетов, и все эти книги были расставлены строго по форматам - маленькие повыше, - и в каждом формате по алфавиту.

В углу близ окна стояла очень странная, но дорогая скульптура, - словно ножом или долотом наспех вырезанная из липового чурбана фигура неуклюжего, некрасивого, голого увальня, опирающегося на палку и согнувшегося для чего-то толстые, мягкие колени. Но это было не дерево, а мрамор, и непонятно было, зачем так безжалостно

Помнишь, не забудешь.Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
изуродован кусок прекрасного камня талантливым скульптором. А что скульптор был талантлив, это было несомненно при первом же взгляде на эту диковинную статую, - столько в ней было силы и незабываемой выразительности.

В таком же странном роде были и несколько висевших по стенам картин в гладких серебристо-серого цвета рамах. Краски этих картин были непомерно яркие, а фигуры написаны были так, что долго надо было всматриваться, чтобы что-нибудь понять. И все же это были картины, отмеченные печатью несомненного таланта, сильного, яркого, необузданно-смелого, хотя, к сожалению, слишком модного. А все модное в искусстве, как и в жизни, имеет тот прискорбный недостаток, что рано или поздно выходит из моды и забывается. Иное, впрочем, воскресает в поздних поколениях; иное же забывается и погибает навсегда.

На синей скатерти круглого стола под люстру видны были газеты, книжки новых журналов и несколько горшков с белыми гиацинтами.

Много простора, света и книг было в этой комнате, а Николаю Алексеевичу припоминалась та убогая кварти-ренка, которую он и его Иринушка снимали за три рубля в месяц. Ведь их было тогда только двое, - куда ж бы им была большая квартира? Да и что бы они стали делать с большой квартирой?

Иринушка даже не соглашалась взять прислугу. Жалованье и содержание прислуги составили бы слишком обременительную статью в их более чем скромном бюджете. Иринушка сама справлялась со всеми работами по хозяйству и храбро делала все то, чему ее не учили ни в гимназии, ни дома, - пищу стряпала, полы мыла.

Помнишь, милая, не забудешь? Иринушка, милая, помнишь?

Помнишь, Иринушка, этот маленький, захолустный городишко, грязный, тусклый, ленивый, сонный, этот злой город, осатанелый от лени, водки и сплетен?

Пришлось прожить в нем несколько лет. И особенно тяжело было в первый год.

Николаю Алексеевичу еще ничего было, - он был постарше. А его шестнадцатилетней Иринушке, должно быть, круто приходилось. Но она не жаловалась и всегда очень была весела. Сама смеялась и Николая Алексеевича забавила. Звонким, зыбким смехом заслоняла от него уродливый лик темной жизни. Разгоняла злые чары жизни, как умела, как могла, - смехом, песнею, пляскою.

Иринушка, милая, помнишь, не забудешь?

Помнишь, Иринушка, эту первую осень, беспросветную, холодную, мокрую, злую?

V

Серые тучи облекли все небо, и серый, холодный, скупой сеялся сквозь них свет осеннего, скудного дня. Тоска разлита была в тяжелых, мокрых тучах и в воздухе холодном и сыром, - и от земли, от этих немощеных улиц, поднималась неизбывная тоска.

Весь день шел дождь, мелкий, упрямый, маленький и злой дождичек, гнусный спутник маленькой, тусклой жизни серого захолустья. Стекла маленьких окон были от этого дождика слезливо мокры, и жидкая, липкая, черная грязь лежала на улицах, а на мостках, гнилых и грязных, пухли и зябли рябые лужицы, и мокры были давно уже голые ветки берез и осин в садах и огородах за серыми заборами.

Ветер проносился порывами, воя злобно и жалобно, сырой и холодный, и с мелкою яростью трепал эти голые ветки мокрых, растрепанных деревьев. И в тонких визгах ветра все та же слышалась безумная тоска.

По улице медленно тащилась телега с какими-то серыми кулями, колесами увязая в грязи. Пегая лошаденка тяжело ступала, звучно хлюпая в грязи ногами и тяжело дыша, вся мокрая, понурая, жалкая. И была она такая же тихая, с плачущими глазами, с растрепанными ветром мокрыми космами седой гривы и жалкая такая же, как бредущий по грязи рядом с телегой мокрый мужик в каком-то сером, заскорузлом кожане.

Через улицу медленно и лениво зачем-то перебирался босоногий мальчишка, высоко

Помнишь, не забудешь. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
засучив ветхие штанишки и утопая в жидкой грязи до покрасневших голых коленок. На нем был надет рваный кафтанишко; его трепаные светлые волосенки прикрывала помятая шапка с расколотым козырьком; шею обматывал пухлый, грязно-красного цвета платок; голые худые ножонки были сини от холода и грязи. Остановившись посредине улицы, мальчишка засунул грязные пальцы в рот и пронзительно засвистал, посматривая направо и налево по улице, словно поджидая кого-то. Но никого не было, и мальчишка побрел себе дальше, по-видимому, наслаждаясь этим купаньем в грязи под дождиком.

Ворона одним глазом смотрела на него, усевшись на высоком заборе, и пронзительно каркала.

Николай Алексеевич вышел по шатким ступенькам крыльца на двор, чтобы помочь Иринушке донести ведра с водой. Брызги холодного дождя настойчиво бились в его лицо, и сырой ветер тяжело колыхал на его лбу прядку отбившихся волос.

Под мелким дождиком, по узким, брошенным через грязь на дворе дощечкам, осторожно переступая мокрыми босыми ногами, тихо шла от огорода Иринушка, — через огород на речку за водой ходила. Тяжелое коромысло грузно лежало на Иринушкином плече. Два ведра с легким скрипом колыхались, плеща порою воду на покрасневшие от холода стопы Иринушкиных легких ног. Ветер трепал подол ее подобранной высоко синей юбки.

Иринушка, придерживая обеими маленькими, покрасневшими, мокрыми от дождя руками коромысло, гнула под его тяжестью. Горячо рдели ее щеки, и выражение усилия было на ее лице. Темные, густые Иринушкины брови слегка хмурились, а ее нежные, алые губы весело улыбались ему, вышедшему ей помочь.

Помнишь, милая, не забудешь? Иринушка, помнишь?

Старое, рваное платьишко, похолодевшие маленькие руки, и эта кроткая улыбка, и покрасневшие от холода, глиною запачканные ноги.

Николай Алексеевич снял с коромысла ведра, внес их в сени, ласково Иринушку стал упрекать.

— Иринушка, Иринушка, разве же так можно! На дворе так холодно, а ты ножек не обула. Иринушка улыбается и оправдывается:

— Такая глина липкая и вязкая, так башмаки пачкает, потом бьешься, бьешься, не отчистить. А ноги в воду опушу, сойдет глина.

— Так ведь холодно! — говорит Николай Алексеевич.

— Так что ж, что холодно! — весело отвечает Иринушка, смеется и, легкая, взбегает по шатким ступеням, нарочно громко стуча по ним ногами, чтобы согреться поскорее, — Согреюсь, — говорит она весело.

Помнишь, милая, не забудешь? Эту тесную, угрюмую квартирку, Иринушка милая, не забудешь?

Как забыть! Не забудешь. И хочешь забыть, да не забудешь.

Полусгнившее крыльцо гнулось набок. Балясины перил пообломались, упали иные, кто-то сжег их в печке.

Старая крыша дала течь. Подстилали на чердак тряпки какие-то, корыто ставили, — а все же иногда и в комнате капало с потолка.

Доски пола шатались под ногами и скрипели жалобно и противно. От окон дуло. В одном из окон разбитое пополам стекло было склеено замазкою, чтобы не вставлять нового.

— Некрасиво, Иринушка, — говорил Николай Алексеевич. — Купим новое.

— Некрасиво, да спасибо, — отвечала Иринушка.

И смеялась.

Милая Иринушка! Хоть бы раз ты его упрекнула! Хоть бы словечко укора ему или судьбе промолвила когда-нибудь! Хоть бы заплакала когда, хоть бы, плача, пожаловалась, пороптала бы хоть немножко!

Никогда, ни разу не видел Николай Алексеевич Иринушкиных слез, не слышал ее жалоб и ропота, – никогда!

VI

Был вечер. Усталые оба, они сидели у стола, при свете керосиновой лампы, прикрытой зеленым стеклянным абажуром. На вязаной белой скатерти лежала раскрытая книга. Иринушка читала вслух, Николай Алексеевич слушал.

Он смотрел на склонившуюся над книгой голову, на ровный пробор в темно-русых волосах, слушал Иринушкин ровный голос, так отчетливо произносивший слова рассказа о далеком, о чужом. Потом Николай Алексеевич переводил глаза на зеленый узор обоев, на стул с прямою спинкою, стоявший у стены, на темную этажерку в углу близ окна, на железную печь в другом углу. Бедные предметы скучного обихода с докучною ясностью металась в глаза. Николаю Алексеевичу было грустно.

Иринушка кончила читать, закрыла книгу, сказала:

– Будет на сегодня. Завтра дочитаем. Посмотрела на Николая Алексеевича, улыбнулась и спросила:

– Коля, что ты невесел, голову повесил? Улыбалась, и Николай Алексеевич улыбался ей в ответ, но улыбкою тоскливою, как дождь осенний за коленкорovou шторою, за мокрым окном, на улице, где темно и уныло.

Спрашивала Иринушка:

– Хочешь, Коля, я для тебя буду танцевать? Хочешь? И танцевала, тоненькая, легонькая, едва касаясь жестких досок пола розовыми пальчиками легких босых ног, красивым жестом маленьких рук приподнимая юбочку свою синюю.

Николай Алексеевич улыбался невесело и говорил:

– Милая Иринушка, отчего ты меня никогда не упрекаешь?

Иринушка поднимала брови милым движением удивленной маленькой женщины и спрашивала:

– Коля, да за что мне тебя упрекать? Что же ты мне сделал худого?

И говорила:

– Я с тобою счастлива, милый мой Коля, милый! И, присев к нему на колени, обнимала его жаркими тонкими руками и целовала его нежно и долго. Николай Алексеевич говорил:

– Милая Иринушка, не на радость ты меня любила. Я так беден, и тебе со мною так трудно.

– О, бедность! – беспечно говорила Иринушка. – Да разве это такая большая беда? Разве надо жить в роскошных палатах? Только надо быть веселым и сильным и хотеть счастья.

И спрашивала Иринушка Николая Алексеевича, обвив руками его шею и заглядывая в его грустные глаза своими синими счастливыми глазами:

– Ты хочешь со мною счастья, Коля? Хочешь? Николай Алексеевич говорил, невесело улыбаясь:

– Кто же, Иринушка, не хочет счастья! Все его хотят. Иринушка весело говорила:

– Ну вот, и я хочу, – и уже я счастлива. Я с тобою, Коля милый, больше мне ничего и не надо.

Потом Иринушка задумывалась ненадолго и говорила:

Надо сохранить в себе волю к жизни, – вот только это надо. Все остальное дастся.

Николай Алексеевич спрашивал:

– А ты знаешь, Иринушка, как сохранить эту волю? Иринушка улыбалась уверенно, как озаренная высокою мудростью, и говорила:

– Знаю. Чтобы сохранить волю к жизни, надо питать ее жаждою счастья. Тогда и жизнь, и счастье будут наши.

Опять смеялась Иринушка радостно и громко, и плясала по тесной комнате, и был весел на шатких досках пола легкий плеск ее быстро мелькающих из-под синей юбочки ног. И казалась она тогда легкой девою высот, сошедшею на землю, чтобы утешить тоскующего в долине бед человека.

Николай Алексеевич был утешен и силы вновь чувствовал в себе великие на труд, на достижения.

VII

Вот и прошли они, эти тяжелые годы.

Иринушка, милая, ты помнишь их? Ты их не забудешь?

Иринушка милая, где ты?

Прошли тяжелые годы. Успокоенная жизнь катится легко и мирно. У Николая Алексеевича жена и дети, и весь удобный, обеспеченный обиход.

И жену Николай Алексеевич любит, и жена его любит. Ему кажется иногда, что он любит жену за пережитые Иринушкою тяжелые годы. И когда он думает об этом, он сам дивится, дивится тому, что он любит эту, вторую, за Иринушкин труд жизни, сохраненный жаждою счастья. Счастья, которое не Иринушке улыбнулось.

Не странно ли это! Правда ли, что за одну любит Николай Алексеевич" другую?

Да и как же иначе? "Нельзя любить два раза, – думает иногда Николай Алексеевич. – Кого полюбил однажды, того полюбил навеки".

Но навеки полюбил он Иринушку.

Милая Иринушка, где ты?

Там, в городе постылом и ненавистном, на далеком кладбище, в тесной и темной могиле истлевая, спит Иринушка. Руки на груди сложила, синие глаза плотно сомкнула, успокоилась рано.

В первое время после Иринушкиной смерти был неутешен Николай Алексеевич. Но забудется всякое на земле горе, и всякая скорбь земная смирится.

Любит Николай Алексеевич свою вторую жену, любит нежно, и дети от нее милы ему. Но порою, в последнее время все чаще, Иринушка ему вспомнится, – и тогда эта, вторая, чужою кажется ему и далекою. И тогда вдруг все, что вокруг, становится для Николая Алексеевича чужим и ненужным. И только одного хочет сердце – хочет невозможного, хочет вернуть невозвратное. Иринушка, Иринушка, где ты?

Вот, кажется, подходит она тихо к его ложу, – и в глазах ее кроткий упрек, в глазах Иринушкиных, синих, как ночное небо. Покачивает головою, сказать что-то хочет, и не может.

УШ

Вот и вернулись. Из церкви. В передней голоса и шум, – веселые голоса, легкий шум. За дверью быстрые шаги, легкий стук, милый голос второй жены:

Помнишь, не забудешь.Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

- Коля, ты спишь? Мы уж вернулись. К тебе можно? Николай Алексеевич тихо отвечает:

- Войди.

А встать ему не хочется, и не хочется видеть людей, и пасмурное лицо повернуто к спинке дивана.

Шелест нарядного платья слышится, и приближаются легкие по сукну шаги и тихий голос, говорящий веселое что-то.

Присела на диван к Николаю Алексеевичу, к его груди приникла, -веселая, радостная, все еще такая молодая, милая, -вторая жена, не Иринушка.

Иринушка, милая Иринушка, где же ты?

Милая Иринушка, помнишь, не забудешь?

Где же ты? Душа моя тебя жаждет!

Тихие слышны слова, ответом на страстные зовы:

-Христос воскрес.

И так же тихо ответил Николай Алексеевич:

- Воистину воскрес.

Он повернулся, протянул руки, обнял милую, целует. И близко, близко в его глаза глядят глаза иные, милые глаза.

Кто же это? Неужели чужая?

Иринушка, это ты?

Тихо отвечает она, прильнувшая к его груди, отдаваясь его объятиям:

- Это - я. Разве ты не узнал меня, приходящую тайно в полночи? Ты зовешь меня вторую женою, ты любишь меня, не зная, кто я, ты называешь меня, как называли меня дома, бедным, чужим именем, Наташею. Но узнай, узнай в эту святую ночь, что я - я, что я - твоя, что я - та, которую ты не забыл, которую ты зовешь, Ирина твоя, вечная твоя спутница, вечно с тобою. Похоронил ты бедное тело маленькой твоей Иринушки, но любовь ее сильнее смерти, и душа ее жаждет счастья, и жизни хочет, и расторгает оковы тления, и во мне живет. Узнай меня, целуй меня, люби меня.

Радостно обнял Николай Алексеевич свою вторую жену, и смотрел в ее глаза, и узнавал в них Иринушкин привет, - и лобзал ее губы, и узнавал в них ласку, негу и зной Иринушкиных уст, жаждущих счастья, жизни и любви.

Николай Алексеевич повторял, плача от счастья, сладчайшего всех земных утех:

- Милая, ты помнишь? Ты не забудешь, милая? А она ему отвечала:

- Коля, милый, у тебя совсем расстроены нервы. Я же тебе говорила, что не надо так много работать. Прими бром.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!